

УДК 316.334.56 (470.5)

УРОВЕНЬ ЖИЗНИ И СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ГОРОДАХ ПЕРМСКОГО КРАЯ*

Плотникова Елена Борисовна

кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и политологии
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Пермь, ул. Букирева, 15
e-mail: Plotnikova1958@yandex.ru

Германов Игорь Анатольевич

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Пермь, ул. Букирева, 15
e-mail: Germanov1973@yandex.ru

В статье рассматриваются уровень жизни и социальные страты среднего города Лысьва и малого города Кудымкар. Специфика уровня жизни населения малых городов обусловлена различными факторами, в том числе социально-экономическим статусом муниципального образования. Уровень жизни отражается через размер среднемесячной заработной платы, субъективные характеристики материального положения семьи и оценку защищенности от угрозы бедности. Описано влияние финансово-экономического кризиса. Модели социальной стратификации строятся на оценках идентификации респондентами своего места в социальном пространстве. Данные классифицированы по трем критериям: уровню образования, материальному положению и обладанию властными полномочиями и выделены пять групп, представляющих различные социальные слои. Социологический анализ выявленных различий вносит свой вклад в понимание особенностей трансформационных процессов на субрегиональном уровне.

Ключевые слова: средний город; малый город; социальная стратификация; уровень жизни; уровень оплаты труда; социальные группы; социальная структура.

Оценка уровня жизни населения является одной из актуальных научных задач обществоведов, поскольку объективный анализ социально-экономических и политических процессов невозможен без учета их влияния на благополучие людей. От степени решенности проблем уровня и качества жизни во многом зависят направленность и темпы дальнейших преобразований в стране, социальная стабильность.

Уровень жизни является достаточно сложным и многоаспектным понятием. Как социально-экономическая категория он представляет собой уровень и степень удовлетворения потребностей людей в материальных благах, бытовых и культурных услугах, поэтому характеризуется прежде всего показателями потребления. Однако уровень и структура потребления в значительной степени детерминируются теми ресурсами, которые нахо-

дятся в распоряжении отдельного человека, семьи и общества в целом. Поэтому наряду с показателями собственно потребления в систему показателей уровня жизни входит и ряд показателей, характеризующих возможности потребления. К ним относятся, например, фонд потребления или уровень дохода.

Эксперты отмечают, что единый подход к измерению уровня жизни в настоящее время отсутствует. В докладе комиссии Стиглица «Измерение экономических результатов и социального прогресса» отмечается, например, что свою состоятельность доказали три основных концептуальных подхода: первый из них основывается на представлении о субъективном благополучии, второй — на представлении о располагаемых возможностях, третий — на экономических концепциях, заимствованных из теорий благосостояния и справедливого распределения [2, р. 11]. Каждый из этих подходов может служить основой для различных стратегий измерения.

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант 11-03-00243).

Программа и типовой инструментарий «Социокультурного портрета региона России» при изучении уровня жизни предусматривает анализ четырех групп показателей: доходов и расходов населения, пенсионного обеспечения, а также распространения бедности [1, с. 22–23].

Проблемы уровня жизни населения поднимаются в основном при изучении стран и регионов. В то же время при изучении территориальных образований меньших размеров соответствующая проблематика затрагивается существенно реже. Однако очевидно, что социальная дифференциация по этому показателю на субрегиональном уровне может быть достаточно резкой, что формирует высокие риски для устойчивого развития региона в целом. В качестве иллюстрации данного тезиса был проведен анализ уровня жизни населения городов, относящихся к территориям с разным типом социально-экономического развития: городам Кудымкар и Лысьва.

Одна из причин слабой изученности уровня жизни населения муниципальных образований — значительные проблемы в информационном обеспечении такого исследования, что весьма существенно ограничивает возможности объективного анализа. Например, из 16 показателей, предусмотренных в соответствующем разделе Программы «Социокультурного портрета региона России», на уровне муниципалитетов регистрируются лишь три (среднемесячная номинальная начисленная заработная плата, численность пенсионеров и средний размер назначенных пенсий). Часть других

приходится получать расчетным путем либо привлекать источники, достоверность информации которых проверить порой весьма затруднительно. Некоторые из показателей, рекомендованных Программой, оценить не представляется возможным.

Тем не менее, имеющиеся данные позволяют дать характеристику той части доходов, которая связана размером вознаграждения за оплачиваемую работу.

Изменение размеров среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников в обследованных городах имеют общие черты и, в общем, соответствуют тенденциям, характерным для Пермского края в целом (см. рис. 1). В первой половине анализируемого периода (2005–2008 гг.) наблюдалось весьма динамичное увеличение показателя (в среднем на 24 % в год). Однако в ситуации финансово-экономического кризиса темпы роста зарплаты в Лысьве существенно замедлились (11 % в год), в то время как в Кудымкаре падение темпов было не так заметно (14 % в год). Эти отличия объясняются спецификой структуры занятости населения исследуемых городов. В Кудымкаре основная доля рабочих мест приходится на бюджетный сектор, где ситуация с заработной платой в кризис была более стабильной, что позволило избежать резкого замедления роста заработной платы. Что касается Лысьвы, то здесь значительная часть работников занята на предприятиях реального сектора экономики, и поэтому негативное влияние кризиса сказалось на возможностях организаций по увеличению заработной платы.

Рис. 1. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций муниципальных образований Пермского края (руб.)

Отставание темпов роста заработной платы в Лысьве привело к тому, что по ее относительной покупательной способности более развитый в экономическом отношении город начал уступать менее развитому. В Лысьве на протяжении последних семи лет среднемесячная заработная плата занятого населения обеспечивала примерно 2,2 прожиточных минимума взрослого человека. В начальной точке анализируемого периода это существенно меньше, чем в среднем по Пермскому краю (2,7), но больше, чем в Кудымкаре (2,0).

Однако уже с 2008 г. показатели столицы Коми-Пермяцкого АО опережают Лысьву. В результате к концу периода отставание покупательной способности зарплаты лысьвенцев стало заметно не только на фоне жителей края в целом (2,8), но и в сравнении с кудымкарцами (2,4) — см. табл. 1. Таким образом, собранные данные свидетельствуют, что в течение анализируемого периода численность малообеспеченных среди занятого населения Лысьвы увеличивается, а в Кудымкаре — напротив, сокращается.

Таблица 1. Отношение среднемесячной начисленной заработной платы к величине прожиточного минимума (2005–2011 гг.)

Наименование территорий	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Пермский край	2,7	2,7	2,8	3,0	2,8	2,9	2,8
Лысьва	2,2	2,1	2,2	2,3	2,1	2,2	2,2
Кудымкар	2,0	2,0	2,2	2,4	2,4	2,3	2,4

Рассчитано по: Статистический ежегодник Пермского края. Пермь, 2012. С. 5.

Дифференциация по уровню оплаты труда между отраслями экономики в обоих городах примерно одинакова, хотя состав отраслей — лидеров и аутсайдеров различается. По состоянию на 2011 г. в Лысьве максимальная средняя заработная плата зафиксирована в размере 25,1 тыс. руб. на предприятиях транспорта и связи, минимальная — 10,1 тыс. руб. в организациях, оказывающих прочие коммунальные, социальные и персональные услуги (стандартное отклонение 5,3 тыс. руб.). В Кудымкаре самая большая заработная плата в 2011 г. была в учреждениях государственного управления и социального страхования (24,6 тыс. руб.), самая маленькая — в гостиницах и ресторанах (9,6 тыс. руб.). Размер стандартного отклонения в последнем случае составил 5,0 тыс. руб.

Однако ситуация с заработными платами далеко не в полной мере характеризует благополучие жителей обследуемых муниципальных образований. Несмотря на то что заработная плата является основным источником доходов, доля занятых в общей численности населения в Лысьве составляет около 25 %, а в Кудымкаре — чуть больше 18 %.

В связи с отсутствием достоверной статистической информации по целому ряду показателей, характеризующих уровень жизни, нам пришлось

прибегнуть к данным социологического опроса, которые через субъективные оценки квалифицируют благополучие жителей муниципальных образований. Данный подход подразумевает идентификацию уровня жизни респондентов посредством оценки степени лишений, которые они испытывают в повседневной жизни. При этом выделяются шесть вертикально структурированных социальных групп: «бедные» — индивиды, у которых доходов не хватает даже для обеспечения повседневных нужд (питание, общественный транспорт, коммунальные платежи и т.п.); «нуждающиеся» — те, кто затрачивает все свои средства на повседневные расходы; «малообеспеченные» — люди, которые полностью обеспечивают повседневные нужды, но испытывают материальные затруднения при покупке одежды, обуви, мелкой бытовой техники; «обеспеченные» — сталкивающиеся с финансовыми трудностями лишь при покупке дорогостоящей техники; «зажиточные» — для которых затруднительны покупки по-настоящему дорогих вещей (недвижимость, автомобиль), и, наконец, «богатые», которые не испытывают никаких материальных затруднений и поэтому ни в чем себе не отказывают.

Данные опроса показывают, что социальная структура по уровню материального благополу-

чия в обследованных городах практически одинакова. Примерно пятую часть населения составляют «бедные». Далее следуют три примерно равных по показателям слоя: «нуждающиеся» (26 %), «малообеспеченные» (22 %), «обеспеченные»

(25 %). Возможностями выше среднего в Лысьве и Кудымкаре обладают менее 10 % населения. К категории «зажиточных» относятся 7 %, а к «богатым» — только 1 % жителей (см. табл. 2).

Таблица 2. Субъективная характеристика материального положения семьи

Категория по материальному положению	Город		Итого
	Лысьва	Кудымкар	
Бедные	16,1	20,0	18,1
Нуждающиеся	28,3	24,8	26,4
Малообеспеченные	22,1	22,4	22,2
Обеспеченные	25,1	24,8	24,9
Зажиточные	6,9	7,7	7,3
Богатые	1,7	0,4	1,0
Итого	100,0	100,0	100,0

$$\chi^2 = 7,575 \text{ df} = 5 \alpha > 0.05$$

Отсутствие статистически значимых различий в уровне жизни населения между городами прослеживается практически во всех социальных группах, выделенных по характеру основной деятельности (работающие по найму, предприниматели, студенты/учащиеся, незанятое население). Исключение составляют пенсионеры. В Кудымкаре самооценки благосостояния, данные этой ка-

тегорией граждан, значительно ниже, чем в Лысьве ($\chi^2 = 11,279 \text{ df} = 5 \alpha < 0.05$). В столице Коми-Пермяцкого АО на 16% больше «бедных» и на 7% — «нуждающихся», чем в Лысьве. В то же время представителей более благополучных категорий («малообеспеченных» и «обеспеченных») в Кудымкаре меньше на 13 % и 6 % соответственно (см. рис. 2).

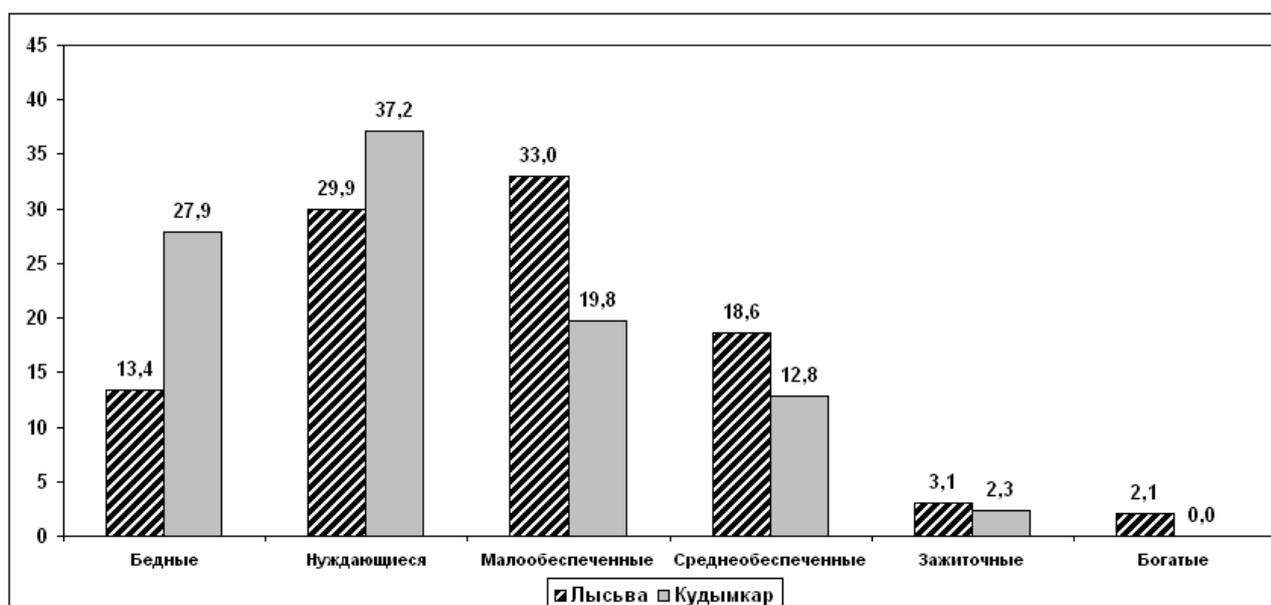

Рис. 2. Субъективная характеристика материального благополучия семьи в группе пенсионеров (доля к числу опрошенных в группе, %)

Распределение респондентов по уровню материального благополучия не имеет существенных отличий и в возрастных группах. Исключение составляют участники опроса в возрасте 46–60 лет. В обоих муниципальных образованиях уровень их жизни несколько ниже, чем у представителей других возрастных когорт. И в том, и в другом городе типичный представитель этой группы относится к категории «нуждающихся» (в других группах к «малообеспеченным»). Кроме того, бросается в глаза, что в Кудымкаре четверть респондентов в возрасте 46–60 лет определяют себя в качестве «бедных».

Весьма низкий уровень благополучия населения исследуемых муниципальных образований подтверждается у жителей самооценками степени защищенности от угрозы бедности. В обоих городах почти две трети опрошенных выразили опасения в связи с возможной потерей доходов в ближайшем будущем. Индекс защищенности¹ составил в Кудымкаре — 0,3, а в Лысьве — 0,33, он остается практически неизменным во всех группах населения, выделенных по признаку основной деятельности.

Ощущение безопасности от угрозы бедности имеет очевидную связь с текущей самооценкой материального благополучия. В табл. 4 видна тенденция увеличения индекса защищенности по мере роста благосостояния. В Лысьве эта тенденция более выражена, нежели в Кудымкаре, где «малообеспеченные» жители ощущают большую угрозу своему благополучию (индекс — 0,42) нежели «нуждающиеся» (-0,27). Эта особенность, а также то, что «бедные» в Кудымкаре испытывают большие опасения утраты доходов, нежели в Лысьве, формируют статистически значимые от-

¹ Методика «Социокультурного портрета региона России» предусматривает оценку степени защищенности от 10 основных угроз, в том числе — бедности. Респондентам предлагается высказать свое мнение по 5-балльной шкале. Индекс защищенности вычислялся по формуле $I = \frac{n_1 + 0.5n_2 - 0.5n_4 - n_5}{n}$, где n_1 — число респондентов, выбравших вариант «защищен»;

n_2 — «скорее защищен»; n_4 — «скорее не защищен»; n_5 — «не защищен»; n — общая численность респондентов в группе. Значения индекса изменяются в пределах [-1; 1], при этом отрицательные значения свидетельствуют о численном преобладании респондентов, ощущающих незащищенность, положительные — защищенность от угрозы бедности. Значения, близкие к нулю, указывают на примерно равное соотношение численности групп «защищенных» и «незащищенных».

личия между городами в распределении ответов респондентов (выделены полужирным шрифтом).

Возможно, специфика городов в оценках рисков бедности объясняется разницей оценок влияния финансово-экономического кризиса 2008–2011 гг. на благополучие жителей изучаемых городов. Неравнозначное влияние кризиса в анализируемых городах прослеживается как по занятому, так и по незанятому населению (включая учащихся, студентов и пенсионеров). Так, почти 20 % работающего населения в Лысьве отметили, что в ходе кризиса столкнулись с задержками заработной платы, 40 % — потеряли в заработках и доходе. Те же показатели, зарегистрированные в Кудымкаре, в два раза ниже: 11 % и 21 %, соответственно. Зато в столице Коми-Пермяцкого АО почти половина респондентов (45 %) указали, что в их жизни в связи с кризисом ничего не изменилось. В Лысьве подобный ответ дали только 28 % участников опроса.

Материальное положение является важнейшим, но не единственным маркером социального статуса индивида в обществе. Для построения модели социальной стратификации используются также оценки идентификации респондентами своего места в социальном пространстве.

Данные исследования указывают на то, что самоидентификация социального статуса участников опроса соответствует среднему уровню и ниже. При этом значительных отличий между городами не наблюдается. Прослеживается тенденция занижения своего социального положения в зависимости от увеличения масштабов сравнения. Например, в Кудымкаре доля респондентов, отнесших себя к слоям «выше среднего» и «высшему», снижается с 6 % до 3 %, к среднему — с 57 % до 25 %. В то же время растет численность группы, отнесшей себя к нижним социальным стратам: с 24% до 31% (слой «ниже среднего») и с 11 до 35 % («нижний слой»). Аналогичную картину можно наблюдать и в Лысьве (см. рис. 3, 4).

В целом при сопоставлении своего социального положения в месте жительства и в крае занижение социального статуса на 1–2 ступеньки характерно примерно для двух из пяти опрошенных жителей Лысьвы и Кудымкара. При сравнении в масштабах страны этот показатель возрастает до 55 %.

Занижение самоидентификации социального положения одинаково характерно для основных социально-демографических групп, выделенных

по возрастному признаку и основному виду деятельности.

Следуя методике «Социокультурного портрета региона России» мы провели многомерную классификацию массива данных по трем критериям: уровню образования, материальному положению и обладанию властными полномочиями. Использовалась процедура кластерного анализа методом К-

средних. Исходные данные были предварительно дихотомизированы. В результате были выделены пять групп, представляющих различные социальные слои, составляющие иерархическую структуру общества. Результаты классификации, полученные в Лысьве и Кудымкаре, имеют как общие черты, так и черты отличия.

Таблица 3. Оценка защищенности от угрозы бедности (индексы)

Категория жителей	Города		Тест хи-квадрат, $df = 5$	
	Лысьва	Кудымкар	Значение	Значимость
Бедные	-0,49	-0,60	13,470	0,009
Нуждающиеся	-0,50	-0,27	19,026	0,008
Малообеспеченные	-0,31	-0,42	6,055	0,195
Обеспеченные	-0,20	-0,09	9,002	0,061
Зажиточные	0,02	0,11	12,661	0,013
Богатые	0,31	0,00	1,146	0,766
Всего	0,33	-0,30	18,408	0,001

В **Лысьве** в центре первого кластера («высокостатусные») признаки обладания властными полномочиями (свыше 50 чел.), высоким образовательным уровнем (высшее образование), а также сравнительно благополучным материальным положением (категория «зажиточных»). Количественно этот кластер очень небольшой — всего 2 % жителей города.

Второй кластер (8 %) представлен респондентами с высшим образованием, однако они смогли использовать этот символический капитал при завоевании высоких позиций по другим измерениям социальной стратификации. Представители данного слоя не имеют на своей работе подчиненных, уровень их доходов позволяет идентифицировать их в качестве «малообеспеченных». Этот кластер можно условно обозначить «малообеспеченные эксперты».

В третьем кластере сосредоточились люди, обладающие значительными властными ресурсами (от 5 до 50 подчиненных), однако по уровню образования и доходов они не дотягивают до «высокостатусных». Основу слоя составляют респонденты, имеющие среднее специальное образование, относящиеся по материальному положению к категории «малообеспеченных». Назовем этот кластер «руководители среднего звена». Он объединяет 12 % опрошенных лысьвенцев.

Четвертый кластер — «реалисты» — сформировался путем объединения людей со сравнительно низким уровнем образования (среднее специальное) и доходами («малообеспеченные»), не обладающих к тому же властными полномочиями. Доля представителей этого класса в выборочной совокупности — около 37 %.

Наконец, в пятом кластере в центре люди, относящиеся к категории «нуждающиеся», с низким образовательным статусом (общее среднее и ниже), без властного ресурса. Учитывая положение представителей этой группы на всех трех шкалах социальной стратификации, их можно обозначить как «низкостатусные». Объем этого кластера составляет 48 %.

В **Кудымкаре** стратификационная модель, сформировавшаяся в результате процедуры кластерного анализа, выглядит несколько иначе. Здесь отсутствуют респонденты, которых по аналогии с Лысьвой можно было бы отнести к категории высокостатусных. Респонденты, обладающие властными полномочиями (менее 10 подчиненных), тем не менее, не обладают высоким образовательным статусом (большинство имеют среднее специальное образование) и значительными доходами (относятся к категории «обеспеченных»). По своим характеристикам этот кластер близок к «руководителям среднего

звена», выделенного в Лысьве. Объем данного кластера — 10 %.

Как и в Лысьве, в Кудымкаре выделяются слои «реалистов» и «низкостатусных», объем данных кластеров составляет 30 % и 39 % соответственно. Кластер, объединяющий «экспертов», отличается лишь более высоким уровнем благосостояния. По-видимому, в Кудымкаре люди с высшим образованием с большим успехом конвертируют свой символический капитал в доходы. Материальное положение этой группы в среднем характеризуется как «обеспеченные». Доля представителей этого социального слоя в выборке — также 10 %.

Еще одним отличием системы стратификации в Кудымкаре является наличие кластера, который объединяет сравнительно немногочисленную (около 12 %) группу людей, не располагающих властными полномочиями, но с достаточным образовательным потенциалом (среднее специальное). Однако их знания остаются не востребованы экономикой территории, поскольку по уровню доходов они находятся в весьма плачевном положении («нуждающиеся»). Возможно, наличие этого социального слоя является спецификой Кудымкара, с его депрессивной экономикой и постоянно сокращающимся рыночным спросом на квалифицированную рабочую силу.

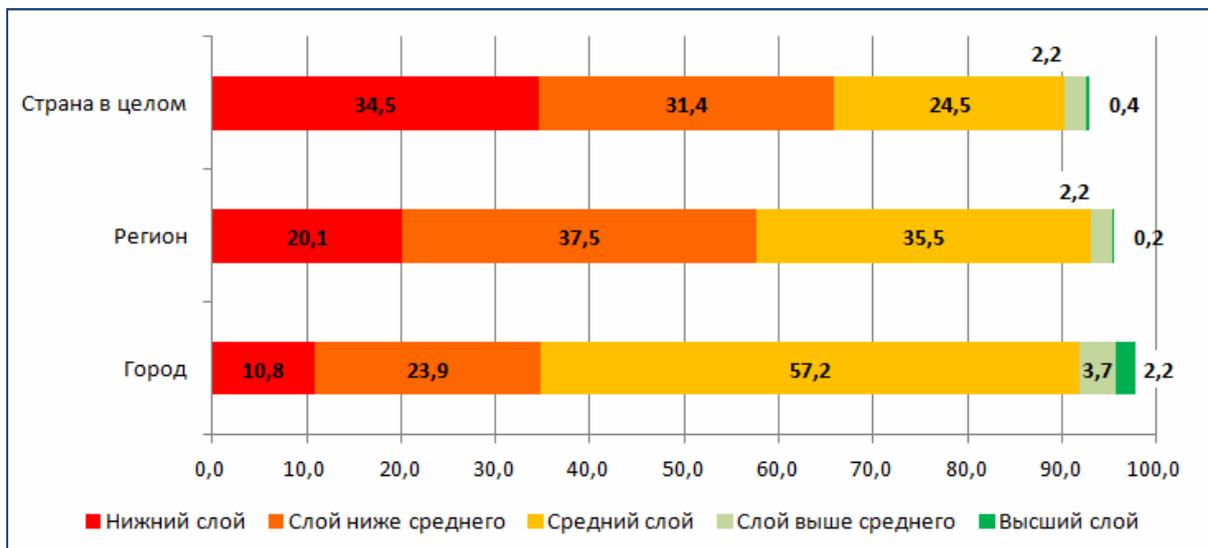

Рис. 3. Самооценки социального статуса жителями г. Кудымкар (доля от числа опрошенных в группе, %)

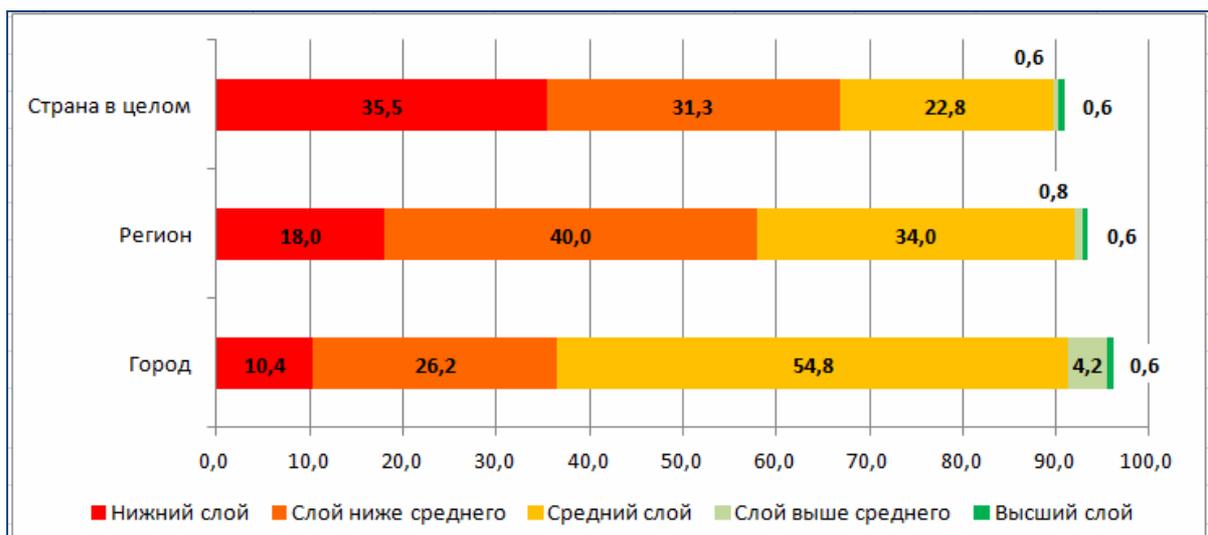

Рис. 4. Самооценки социального статуса жителями г. Лысьва (доля от числа опрошенных в группе, %)

Таким образом, мы увидели, что уровень жизни населения малых городов имеет значимую специфику, обусловленную различными факторами, в том числе социально-экономическим статусом муниципального образования. Социологический анализ выявленных различий представляется весьма интересным направлением исследований, поскольку вносит свой вклад в понимание особенностей трансформационных процессов на субрегиональном уровне.

Список литературы

1. *Латин Н.И.*, Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010). М.: ИФ РАН, 2010. 135 с.
2. *Stiglitz J.E.*, Sen A., Fitoussi J.-P. The Measurement of Economic Performance and Social Progress Revisited // Documents de Travail de l'OFCE / Observatoire Français des Conjonctures Économiques (OFCE). 2009. Dec. №. 2009-33. Цит. по: Уровень и образ жизни населения России в 1989–2009 годах: докл. к XII Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 5–7 апр. 2011 г. / Г.В. Андрущак, А.Я. Бурдяк, В.Е. Гимпельсон и др.; рук. авт. колл. Е.Г. Ясин; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011.

STANDARD OF LIVING AND SOCIAL STRATIFICATION IN THE CITIES OF THE PERM KRAY *Elena B. Plotnikova, Igor A. Germanov*

Perm State National Research University; 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia

The paper examines standards of living and social stratas of the mid-sized city of Lysva and small town Kudymkar. Variety of standards of living among minor towns depends on a range of factors including the town's formal identification with type of settlement based on acknowledged number of inhabitants and resulting in town's receiving subsidies and tranfers. Standard of living is assessed through average wages per month, subjective estimations of economic situation of households and of welfare protection. The effect of economic crisis is described. Social stratification is modeled using respondents' assessments of their own localizations within the social space. Stratification is based on three criteria (education, income, and position power) to identify 5 social classes. Sociological analysis of the revealed discrepancies makes an input into our understanding of particularities of processes of transformations at the subregional level.

Key words: mid-sized city; small town; social stratification; standard of living; wages level; social class; social structure.